

не — расцветание, працвітанне — процветание. От глаголов *цвісці*—*цвести* в значении «покрываться тиной, ряской» образованы и существительные *цвіль* — *цвель* «налёт плесени, ряска». Однако в белорусском языке, главным образом в эмоционально приподнятой речи, глагол *цвісці* в указанных значениях, кроме последнего, т. е. «плесневеть», может быть заменен глаголом *квітнець* (и производными формами *расквітнёць*, *квітнёючы*, *рóсквіт*). В других корневых морфемах (*кв-*), (*цв-*) не сохранились, за исключением русских диалектных форм *квелить* и *цвелить* «дразнить, волновать, мучить» и глагола *цвяліць* с тем же основным значением в белорусском языке.

Что касается сочетаний (*зв'-*), (*св'-*) (из **gv-*, *chv*), то дело здесь обстоит проще. Убедительных примеров на изменение (*chv-*) > (*sv'-*) нет, кроме *хвистать* (рус. диал.) — *свистать*. Изменение (*gv-*) > (*zv'-*) реализовалось в русском языке в корневой морфеме *звезд-* и ее производных (около 15 лексем). В белорусском литературном языке не привилась ни форма *звезд-*, ни польский вариант *gwiazd-* (название республиканской газеты «Звезда» заимствовано из русского языка). Для выражения соответствующего понятия используется слово «зорка», также общеславянское по происхождению, этимология которого восходит к *зреть* «смотреть», *зара* (заря), *зоркий* и др.

Как видим, установились довольно сложные межъязыковые соответствия в исследуемой группе лексических единиц. Из 36 слов 22 дали двоякий результат, т. е. *квет-/цвет-* и производные формы, что составляет 61 %, остальные по данному признаку совпали и стали омолексами. Ядром этой группы является глагол *цвісці* и его префиксальные формы, употребляемые наряду с глаголом *квітнець*. Сосуществование в белорусском языке форм с сочетаниями (*кв-*) и (*цв-*), а в русском — только с (*цв-*) свидетельствует не только о диалектном различии, возникшем в языке восточных славян, но и о тенденции выравнивания, сближения структур взаимодействующих языков.

Таким образом, исследование фонетических истоков паралексии и последующий анализ результатов дивергентного развития родственных структурных элементов представляет несомненный теоретический и практический интерес, так как помогает более конкретно и детально описать особенности языков по отношению друг к другу, углубить наши представления об их исторических связях и дальнейшем взаимодействии в условиях контактного билингвизма.

¹ Белорусско-русский паралексический словарь-справочник. Минск, 1985. С. 4.

² Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962. С. 177; Глумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мінск, 1977—1984; Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981—1984.

Г. В. ШКНАЙ

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА

Понятие семантической структуры слова, так же как и понятие семантической структуры языка, должно включать в себя два момента: семантические единицы — определенное количество значений лексемы; семантические отношения — совокупность связей, установившихся между ними. Если первый элемент структуры слова (семантические единицы) довольно интенсивно исследуется лингвистической наукой, то о втором пока еще говорят с некоторой неуверенностью: «...есть все основания предполагать, что различные «значения» внутри слов по-разному соотносятся друг с другом, точно так же как в неодинаковой степени зависят (парадигматически и синтагматически) от значений других слов»¹. Однако, на наш взгляд, уже назрела необходимость не только признания объективности существования семантических отношений между семантическими единицами слова, но и глубокого их изучения.

При исследовании семантической структуры русских и белорусских лексем нельзя ограничиваться только сопоставлением имеющихся значений и их оттенков, необходимо также учитывать внутренние отношения между значениями отдельных лексем русского и белорусского языков. Учет семантических отношений, складывающихся между разными значениями слова, особенно важен в сравнительно-сопоставительной семасиологии двух близкородственных языков. Нередко именно определенный тип семантических отношений является единственным различительным признаком плана содержания (семантической структуры) слов разных языковых систем, в частности русского и белорусского языков, обладающих тождественным (сходным) набором семантических признаков, однако в каждой языковой среде одинаковые значения вступают между собой в разные отношения. Это проявляется прежде всего в том, что то или иное значение лексемы является основным в одной из языковых систем, в другой же оно второстепенное.

Основное значение слова помогают определить толковые словари, в которых на первом месте дается наиболее употребительное значение. Во введении к Словарю современного русского литературного языка указывается, что «более употребительное и более актуальное для современного сознания значение выдвигается на первое место, а за ним следуют менее употребительные и менее актуальные»². Следовательно, значение, указанное в словарной статье первым, должно рассматриваться как основное. Таким образом, наиболее объективным показателем при определении основного значения той или иной многозначной лексемы являются данные толковых словарей. Однако при наличии нескольких изданий или же разных толковых словарей необходимо сопоставлять их дефиниции, чтобы исключить возможную субъективность оценки смысловой структуры той или иной лексемы, а в случае явных разногласий — прибегнуть к другим, дополнительным лексикографическим источникам (например, частотным словарям). Кроме того, следует иметь в виду, что основное значение слова — понятие историческое: в ходе развития языковой системы возможно перераспределение значений отдельных слов, на первый план может выдвинуться то значение, которое раньше было менее актуальным. Так, если в слове *повесть* в Словаре современного литературного языка первым фиксируется значение 'рассказ о последовательном ходе событий', а вторым — 'литературное художественное произведение', то в Словаре русского языка С. И. Ожегова указанные значения даны в обратном порядке, причем значение *повествование* сопровождается пометой «устар».

Процесс перераспределения значений, так же как и изменение употребительности слова в том или ином значении, протекает неодинаково в разных языках. Чтобы продемонстрировать существующие различия в смысловой структуре слов русского и белорусского языков, возьмем, например, русскую лексему *среда* и соответствующее ей белорусское образование *асяроддзе* и сопоставим их семантические признаки. В Словаре современного русского литературного языка выделены следующие значения и их оттенки существительного *среда*: «Среда. 1. Вещество, заполняющее какое-либо пространство и обладающее определенными свойствами. 2. Совокупность природных или социальных условий, в которых протекает жизнедеятельность какого-либо организма. 3. Социально-бытовая обстановка, в которой протекает жизнь человека; окружение. // Совокупность людей, связанных общностью жизненных условий, занятий, интересов и т. п.». Значения лексемы *асяроддзе* даны в следующей последовательности: «Асяроддзе. 1. Сукупнасць прыродных або сацыяльных умоў, у якіх працякае жыццяздзейнасць якога-н. арганізма. // Сацыяльна-бытавыя абставіны, у якіх працякае жыццё чалавека. // Супольнасць людзей, якія звязаны агульнасцю сацыяльна-бытавых умоў існавання, агульнасцю прафесіі, заняткаў і пад. 2. Спец. Рэчывы, целы, якія запаўняюць якую-н. прастору і маюць пэўныя якасці.».

Первое же заметное различие, заключающееся в разном количестве

значений и их оттенков, представляется несущественным и скорее всего является проявлением субъективности: все оттенки значения лексемы *асяроддзе*, данные под номером 1, полностью исчерпываются значениями 2 и 3 лексемы *среда*. Другое же различие, на наш взгляд, действительно является важным и существенным, оно касается употребления лексем *среда* и *асяроддзе* в терминологическом значении 'вещество, обладающее определенными свойствами и заполняющее какое-либо пространство'. Если для русской лексемы *среда* это значение является основным, наиболее актуальным, то в системе значений белорусского слова *асяроддзе* оно занимает второстепенное, хотя и не менее важное, место.

Установить причины такого рода расхождений можно только в результате глобальных исторических исследований в сфере сравнительно-сопоставительной семасиологии двух языков. Что касается различий в семантической структуре лексем *среда* и *асяроддзе*, то в данном случае можно лишь предположить, что терминологическое значение у белорусского существительного *асяроддзе* возникло гораздо позже других значений и, возможно, под влиянием русского соответствия *среда*. Вероятно, этим и объясняется меньшая употребительность белорусской лексемы в специальном значении.

Поскольку не менее важным, чем сопоставление объема семантических признаков белорусских и русских лексем, является учет степени актуальности тех или иных значений в каждой из языковых систем, компонентный анализ, предполагающий разложение значения языковых единиц на семантические признаки, должен сочетаться с анализом внутрисистемных отношений между ними.

¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 276.

² Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950. Т. 1.

С. М. ПРОХОРОВА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЛЯ ПРЕДИКАТА И СУБЪЕКТА В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

В иерархии вертикальных синтаксических полей ¹ синтаксическое поле предиката является основным. Предикат — одна из наиболее трудно-определимых категорий, и, как считает Ю. С. Степанов, «самая несемантическая из категорий», так как с «понятием предиката мы входим в сферу синтактики»². Предикаты — особые семантические сущности языка, которые «типизируются языком не в форме словарных единиц, глаголов, а в форме пропозициональных функций и соответствующих им «структурных схем предложений»³. До сих пор нет единства в определении семантических типов предикатов. Лингвисты выделяют от 3 (У. Л. Чейф) до 24 типов предикатов и субъектов. Таким образом, поле предиката является полицентричным, в нем можно выделить множество микрополей. Нами выделено 5 микрополей (в основу выделения положено типовое значение предикатов, предложенное Г. А. Золотовой ⁴) — микрополе действия, микрополе состояния, микрополе свойства, микрополе квалификации, микрополе квантификации.

Исследуется сравнительно небольшая переходная русско-белорусская языковая зона. Это десять районов Смоленской области, пограничных с Белоруссией. На этой территории, по данным исследователей, сконцентрированы кривичские могильники с длинными курганами. По предположению В. В. Седова, исследуемая нами территория была одним из основных районов расселения кривичей, которое шло с северо-запада, постепенно проникая в верховья р. Сож ⁵. Эта небольшая зона рассматривается на широком славянском и балтийском фоне.

На исследуемой территории поле предиката в основном сформирова-